

«Аракчеевщина» глазами Г.С. Батенькова и особенности его восприятия А.А. Аракчеева

Сложная и противоречивая Александровская эпоха отразилась в крайних умонастроениях, напряженных поисках и метаниях, полярных политических тенденциях. Непоследовательная и шаткая позиция «реформатора на троне» обусловила выдвигание ярких, самобытных, но мало сопоставимых друг с другом фигур. Наиболее показательны в этом отношении М.М. Сперанский и А.А. Аракчеев, два самых влиятельных сановника начала и конца царствования «Благословенного» императора, вознесенные на вершину власти его волей и исполнявшие его пылкие, искренние, но весьма шаткие устремления.

Тот и другой активно проявили себя во внутренней политике России, оказали заметное влияние на общественную жизнь, заслужив противоположные оценки: один, как блистательный преобразователь, законотворец и администратор, другой как «подлый и коварный временщик», воплотивший в себе, по общему признанию, всё самое худшее. С именем М.М. Сперанского принято связывать административные реформы, благие начинания и порывы, попытки подчинить власть закону, сделать достижимыми сокровенные права и свободы. Имя же А.А. Аракчеева оказалось в прочной связи с противоположной линией в самодержавной политике, стало символом невежества и жестокости, муштры, палочной дисциплины. Всеобъемлющим символом деспотии.

Оба влиятельных сановника, по-своему умело осуществляя разноречивые планы императора, окружали себя толковыми людьми, даровитыми помощниками, без которых невозможно было обойтись в повседневной работе. Оба, в соответствии с задачами, приближали к себе тех, кто лучше всего, по их разумению, подходил к исполнению монаршей воли. И оба, формируя окружение, остановили выбор на молодом инженере ведомства путей сообщения Г.С. Батенькове: по всей вероятности, он был единственным, кому удалось прослужить под началом двух «верных друзей» императора, один из которых в поступках и мыслях опережал свое время, а другой, считалось, мешал развитию, олицетворяя невежество и бездушие. Но эта черта биографии Г.С. Батенькова оказалась вне поля зрения тех, кто исследовал эпоху.

Ученик М.М. Сперанского, будущий декабрист, человек откровенно либеральных воззрений оказывается рядом с грозным А.А. Аракчеевым и добросовестно выполняет его указания. Как это стало возможным, почему именно Г.С. Батеньков, а не кто-то другой привлек, по выражению А.С. Пушкина, «гения Зла» и «гения Блага», стоявших «в дверях противоположных»¹ царствования Александра I и выполнявших его указания? Вопросы эти оставались за рамками исследований, не вызвали глубокого, вдумчивого анализа в работах, посвященных декабристу, и чаще всего, не были даже обозначены, хотя важность их для понимания самого Г.С. Батенькова, его мировоззрения, и двух ключевых фигур Александровского царствования, неоспорима.

Именно Г.С. Батенькову принадлежит самая ёмкая и точная сравнительная характеристика этих двух политических деятелей, с которыми ему довелось общаться и сотрудничать. Сделанная умным, пронизательным человеком, она, конечно же, привлекала внимание тех, кого интересовала эпоха, но не послужила поводом к дальнейшим рассуждениям и развернутым обобщениям. Проще всего было думать, что ближайший ученик М.М. Сперанского, попав под начало деспотичного «временщика», тяготился возложенной на него

¹ Пушкин А.С. Собрание сочинений в десяти томах. М., «Художественная литература». 1976 г. Т.7 С. 281.

обязанностью и видел лишь мрачные стороны своего положения, осуждая графа А.А. Аракчеева и одиозные методы его деятельности.

Отчасти это так, работа в Отдельном корпусе военных поселений, поездки в знаменитое Грузино сказались на духовном развитии будущего декабриста, способствовали движению его взглядов в сторону политического радикализма. Но его восприятие «хозяйна Грузинской вотчины» лишено было категоричности, а оценки не укладывались в «черно-белую», без полутонов, схему. Г.С. Батенькову удалось увидеть и почувствовать то, что было скрыто от современников, глубже проникнуть в существо явлений, яснее представить себе сложную натуру А.А. Аракчеева. Поэтому тема «Батеньков и Аракчеев», можно сказать, продуктивна с точки зрения понимания эпохи – она открывает возможность для новых, порой неожиданных толкований, даёт ключ к осмыслению противоречивых общественно-политических процессов начала XIX века. Позволяет пристальнее взглянуть на «гениев Зла и Блага», их непростые отношения.

Еще И.И. Ореус, говоря о Сибирском комитете, главой которого «сделался всесильный граф Аракчеев», отмечал, что «помимо личной рекомендации Сперанского, Батеньков, своими способностями и усидчивостью в работе, не мог не обратить на себя внимание могучего временщика»². Эта версия, претендуя на объяснение столь странного сближения с молодым инженером, которого А.А. Аракчеев вслед за М.М. Сперанским хотел видеть «своим», ничего, по сути, не объясняла. Но нашла отражение в последующих работах. «Всемогущий временщик, коему уже начали противеть поклонения придворных... полюбил умного, честного и прямодушного Батенькова... – писал П.В. Долгоруков. – Дерзкий и грубый на службе, не терпевший противоречий, Аракчеев всегда обходился с Батеньковым вежливо и ласково, выслушивал его возражения, не сердился на его противоречия, имел большую доверенность к его уму и способностям...», и называл своим будущим министром³.

Такое суждение не слишком приближало к пониманию истинного характера взаимоотношений, и вызывало недоумение: если «подлый, бесчестный» вельможа, действительно, нуждался в «честном и прямодушном» помощнике, то таков ли он был, как явствует из воспоминаний? Требовало объяснения и другое утверждение, касавшееся отношений Г.С. Батенькова со М.М. Сперанским. Почему тот «рекомендовал Батенькова за человека в высшей степени трудолюбивого и способного», отдавая помощника, к которому искренне успел привязаться, А.А. Аракчееву – только ли потому, что ««всесильный временщик и сам обратил внимание на талантливого и усидчивого секретаря комитета»⁴? И если М.М. Сперанский всё же желал «услужить» А.А. Аракчееву, как принято думать, это должно было заставить по-новому взглянуть на характер его отношений с учеником, высветить его собственные качества.

Но комментарии, казалось бы, востребованные непростой ситуацией, ни в мемуарах, ни в исследовательских трудах мы не находим. А.А. Брегман и В.Г. Карцов, авторы наиболее глубоких, обстоятельных работ о декабристе, тоже полагали ситуацию естественной. Объяснением, в их понимании, служило могущество временщика: никто не мог пойти наперекор его воли, тем более лишенный былого влияния М.М. Сперанский, который, однако, с видимой легкостью расставался с Г.С. Батеньковым, снабдив его «в высшей степени» лестными рекомендациями. И положение самого Г.С. Батенькова, крайне сложное, отметил в своей книге лишь В.Г. Карцов. «Батеньков... рисковал многим...- справедливо

² Ореус И.И. Гавриил Степанович Батенков. // Русская старина. 1889 г. Т. 63 Кн.7 (июль-сентябрь). С. 312.

³ Долгоруков П.В. Петербургские очерки. (Памфлеты эмигранта 1860-1867 гг.). М., Новости. 1992 г. С. 389.

⁴ Дубровский К.В. Декабрист-сибиряк (Г.С. Батеньков). // Дубровский К.В. Рожденные в стране изгнания. Петроград. Тип. «Виктория». 1916 г. с. 30.

указывал он. - Сперанский и Аракчеев – две, левая и правая, руки царя, две царские маски, клубок придворных интриг; и среди них – он, Батеньков, в роли слуги двух господ»⁵.

Весьма скупое, бесстрастное, как о предмете довольно понятном, писал о вступлении Г.С. Батенькова в Совет военных поселений близко знавший его Н.И. Греч. По его словам, А.А. Аракчеев, который «умел отличать подлецов и льстецов» и нуждался в толковых помощниках, «выпросил у Сперанского Батенькова»⁶, а затем способствовал его продвижению в должностях и чинах. Правда, позже, вспоминая главных деятелей тайных обществ и давая биографические данные, Н.И. Греч сказал об этом подробнее. Позже он указывал, что Г.С. Батеньков сам был не прочь перейти к А.А. Аракчееву, с единственным условием, «чтоб ему не давали ни чинов, ни крестов, а только положили хорошее содержание» – после чего «работал усердно и неутомимо»⁷, снискав благодарность временщика. Но так ли это?

Документальные свидетельства убеждают в обратном. Получая в Сибирском комитете 6000 рублей жалованья, Г.С. Батеньков не испытывал денежных затруднений: в те годы «столичный вице-губернатор получал всего 4500 рублей ассигнациями, а губернаторы от трех до шести тысяч рублей»⁸. К тому же, как отмечала А.А. Брегман, «за три дня до официального назначения в военные поселения по представлению Сперанского Батеньков получил денежную награду десять тысяч рублей»⁹. Да и мог ли молодой инженер, переходя в ведомство А.А. Аракчеева, оговаривать какие-то особые условия, раздражая всесильного графа, пред которым трепетали министры? Из писем явствует, что правитель дел Сибирского комитета не испытывал восторга от перехода к А.А. Аракчееву: «Меня тянут в ту и другую сторону, и я похож на невольника, которого продают с аукциона и которому вовсе не известно, в чью пользу будет последний удар молотка»¹⁰.

В следующем письме Г.С. Батеньков добавлял, что «не расположен домогаться никакой высокостепенности, которая большей частью обращается в пышную подлость и всегда держит в страдательном положении»¹¹. В самом деле, поражает легкость, с которой молодой инженер, не прилагая усилий, завоевал милость временщика, умевшего ценить образованность, трудолюбие, но не удостаивавшего благосклонностью почти никого. Удивляет взгляд Г.С. Батенькова на «гения Зла», особый, непривычный с традиционных, общепризнанных позиций. И здесь нельзя не увидеть почву для вдумчивых размышлений, нельзя не прийти к мысли о прямолинейности, незавершенности выводов, которые возникали при рассуждении о личности всемогущего сановника и его взаимосвязи с ближайшими сотрудниками...

Едва ли не во всех письменных источниках А.А. Аракчеев представал, как «идеальный бюрократ... злопамятный, мстительный, язвительный, грубый, не веривший ни людям, ни в людей, неспособный к искренности... Свирепый бульдог, страшилище, которое кроткий Александр I по какой-то странной прихоти называл своим другом»¹². В самых мрачных тонах рисуется «чугуевский Нерон» в воспоминаниях современников. П.М. Вя-

⁵ Карцов В.Г. Декабрист Батеньков. Новосибирск 1965 г. С. 107.

⁶ Греч Н.И. Записки о моей жизни. М., Книга. 1990 г. С. 197-198.

⁷ Там же. С. 296.

⁸ Кубалов Б.Г. Несколько страниц к биографии сибиряка декабриста// В сердцах отчизны сынов. Иркутск. Восточно-Сибирское кн. изд. 1975 г. С. 206.

⁹ Брегман А.А. Декабрист Гавриил Степанович Батеньков.// Батеньков Г.С. Сочинения и письма. Иркутск. Восточно-Сибирское кн. изд. Т.1 С. 31.

¹⁰ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толя. Под общей редакцией Б.П. Козьмина. М., Издание Всесоюзной библиотеки им. Ленина.1936 г. С. 126.

¹¹ Там же. С. 127.

¹² Лямкина Е.Э. Граф Аракчеев: pro et contra. // Аракчеев: свидетельства современников. М. Новое литературное обозрение. 2000 г. С. 5.

земский называл его в письмах «проклятым змеем»¹³. П.В. Долгоруков возмущенно писал о бездушии «деспота», презрении к человечеству, жестокости, «всегдашней суровости, отсутствия всякого лоска образованности», о «непреодолимой склонности к тиранству и грубости»¹⁴. И «первый декабрист» В.Ф. Раевский видел его злым временщиком, хотя ответить, почему «тупой, бесчувственный, мелочный капрал», «гнусный раб царя»¹⁵ завоевал монаршее расположение, даже не пытался.

При этом мнение просвещенных дворян, людей высшего света существенно не отличалось от оценки, которую давала народная молва. Судить об этом можно из донесений помощника А.Х. Бенкендорфа, упоминавшего о разговорах про «жалобы и стоны, которые не доходили до трона, заслоняемого злым, жестоким временщиком Аракчеевым и его помощниками, заинтересованными в сохранении существующего порядка»¹⁶. Тем самым, считалось, «аракчеевщина» способствовала укреплению либеральных воззрений, подталкивала радикалов к активным шагам. «Резкое несоответствие между направлением аракчеевской политики и господствующим в обществе настроением, - писал А.А. Кизеветтер, - привело к тому, что политические интересы приняли ненормальное направление. Вопросы о реформах... снова были поставлены на обсуждение, но уже не в официальных сферах, а в тайных обществах»¹⁷.

А.А. Аракчеев, которому современники вынесли «окончательный» приговор, не надеялся на беспристрастный их суд, но полагал, что время расставит всё по местам, и через сто лет его личность и поступки будут выглядеть в ином свете. Но менялись подходы, точки зрения на те или иные процессы, смещались акценты, ломались представления о важнейших фигурах Пушкинской эпохи, а образ «воплощенного духа зла, который правил Россией как временщик в течение двенадцати лет»¹⁸, оставался неизменным. Точнее, обрел ещё большую одиозность: известный русский психиатр В.Ф. Чиж, посвятив А.А. Аракчееву отдельную работу, называл его «нравственным уродом», лживым, малодушным, жестоким злодеем, обладавшим «крайней узостью ума», «ничтожеством», «идеальным эгоистом» и «бешеным бульдогом», «крайне безнравственным» и никого, кроме себя, не любившим.

«Аракчеев был типичный жестокий «раб», а потому человек очень вредный, заслуживающий презрения и за свою жестокость, и за свою рабскую душу, - убеждал автор «Психологии злодея». - Он... возбуждал ненависть и презрение своих современников, потому что был весьма жесток, крайне тщеславен, лжив и труслив – одним словом, он был выдающимся злодеем»¹⁹. Но и позже, в советской историографии, граф А.А. Аракчеев предстал до предела схематичным, абсолютно лишенным человеческих черт историческим деятелем²⁰. Лишь в последние годы наметилась тенденция переосмысления этой противоречивой, неоднозначной, по-своему интересной фигуры. «Один из наиболее негативно мифологизированных персонажей отечественной истории»²¹ снова привлек внимание ис-

¹³ Бороздин А.К. Литературные характеристики. XIX век. СПб. Изд. М. Пирожкова. 1903 г. С. 15.

¹⁴ Долгоруков П.В. Петербургские очерки (Памфлеты эмигранта). М. Новости. 1992 С. 110.

¹⁵ Декабристы и литература. Под редакцией В.В. Виноградова. М. АН СССР. 1956 г. Т.60 Кн. 1 С. 85.

¹⁶ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая I (по донесениям М.М. Фока) // Русская старина. 1881 г. Т. 31 Кн. 9. С. 163.

¹⁷ Кизеветтер А.А. Деятельность в истории России. Ростов. Изд. Е. Парамонова «Донская Речь». 1905 г. С. 22.

¹⁸ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М. Тип. Сытина. 1907 г. С. 3.

¹⁹ Чиж В.Ф. Психология злодея. Граф Алексей Андреевич Аракчеев. // Чиж В.Ф. Психология злодея, властелина, фанатика. Записки психиатра. М. ТЕРРА-Книжный клуб. Изд. Республика. 2002 г. С. 13.

²⁰ Наиболее показательна в этой связи, пожалуй, работа К. Аксенова «Северное общество декабристов» (Ленинград. Лениздат. 1951 г.).

²¹ Лямкина Е.Э. Граф Аракчеев: pro et contra. С. 5.

следователей, стала пополняться источниковая база, расширились границы мемуарной литературы.

И уже по-новому, с неожиданной стороны, увиделось предсказание А.И. Герцена, который желал, чтобы история «отдернула саван», до конца разоблачив бездушную «аракчеевщину»²². История, в самом деле, заставила вернуться к деятелю, чье имя стало нарицательным, сняла покров «непроницаемого презрения» и недомолвок, скрывавший его сложную личность. Теперь «стандартная оценка фигуры и деятельности Аракчеева постепенно размывается», хотя «процесс выработки новых критериев и нетривиального взгляда на эту личность будет довольно долгим»²³. Не только по той ясной причине, что А.А. Аракчеева невозможно рассматривать вне «плотного ретроспективного контекста», но, главным образом, потому, что тема «аракчеевщины» требует переосмысления крупнейшего государственного деятеля первой четверти XIX века, «загадочного русского сфинкса» императора Александра I.

Желание понять причины странного, вроде бы, союза «венценосного либерала» и мрачного «гатчинского капрала» заставляли всматриваться в их отношения не одно поколение исследователей. Но традиция восприятия прославленного внука Екатерины Великой, мешала увидеть его истинный, не ретушированный облик. Не давала вдуматься в причины «пагубных» метаний, противоречивых порывов, препятствовала анализу трезвых высказываний. Между тем, еще князь Чарторижский, один из «молодых друзей» пылкого Александра, писал в мемуарах: «Императору нравились внешние формы свободы, как нравятся красивые зрелища; ему нравилось, что правительство свободное, и он хвастался этим. Но ему нужны были только наружный вид и форма, воплощения же их в действие он не допускал». И дальше чрезвычайно важное замечание: «Он охотно согласился бы дать свободу всему миру, но при условии, что все добровольно будут подчиняться...его воле»²⁴.

Согласившись с этим нелестным утверждением, можно приблизиться к пониманию непоследовательности царя, причин сворачивания реформ и опалы М.М. Сперанского. Рассуждая о двойственности характера просвещенного и обаятельного императора, Ю.М. Лотман отмечал «театральность» его поведения, склонность к позерству, игре, смене масок, и добавлял, что он «менял маски из тонкого расчета, но не без удовольствия»²⁵. А дальше, размышляя в том же ключе, нетрудно было прийти к выводам, совершенно немислимым в первую половину XIX века, когда еще велика была сила обаяния «царственного актера». «Александр I был деспот, но не шиллеровского толка: добрый от природы, джентльмен по воспитанию, он был русским самодержцем... И остро нуждался в друге, причем друге абсолютно бескорыстном»²⁶, - констатировал Ю.М. Лотман. Таким бескорыстным, «преданным без лести» другом виделся «доброму деспоту» А.А. Аракчеев.

Но проблему, безусловно, нельзя сводить к особенностям характера самодержца, тщательного осмысления требует расстановка политических сил, «роковые» черты биографии императора. «Страх быть убитым заговорщиками преследовал Александра, по существу, всю жизнь, - указывал А.Н. Сахаров. - Этот страх был неразрывно соединен в его сознании с другим сильным чувством - угрызением совести в связи с убийством отца»²⁷. И это тоже объясняло, во многом, расположенность к А.А. Аракчееву, который до конца

²² Герцен А.И. Сочинения в четырех томах. М. Правда. 1988 г. Т. 2. С. 76.

²³ Лямкина Е.Э. Граф Аракчеев: pro et contra. С. 22.

²⁴ Кутанов Н. Декабрист без декабря.// Декабристы и их время. М. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан. 1927 г. Т.2. С. 206.

²⁵ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX вв). СПб. Искусство-СПб. 1994 г. С 197.

²⁶ Там же. С. 344.

²⁷ Сахаров А.Н. Александр I: к истории жизни и смерти.// Наука и жизнь. 1993 г. №3 С. 78.

дней сохранил преданность к убитому заговорщиками Павлу I, и сам не был замешан в дворцовом перевороте. Хотя «холоп венчанного солдата» получил власть не из одного желания царя опереться на «преданного друга». Наделить его высокими полномочиями Александр I решился лишь после того, как разуверился в способности общества принять преобразования.

Нельзя не согласиться, что «в основе поворота лежало многое – и общественные потрясения, и личные драмы Александра. И конечно, глубокое его разочарование в своих бывших союзниках, по существу предавших Россию...»²⁸. В свете этих суждений «странное», поразившее всех возвеличивание А.А. Аракчеева уж не видится столь нелогичным и противоестественным. «Гений Зла» взошел на вершину власти не только в силу «нечеловеческой преданности» и прочих качеств, что отмечал, вслед за многими, А.И. Герцен, иронично писавший: «Такие люди – клад для царей»²⁹. Важнее всего было то, что А.А. Аракчеев, как и М.М. Сперанский, являл собой «блестящего исполнителя и толкователя» монаршей воли, он «превосходно улавливал консервативную тенденцию в настроениях императора» и умело этим пользовался. Он «с такой же последовательностью и убежденностью, как и Сперанский, проводил в жизнь новые предначертания монарха, окрашивая в... реакционные тона всю государственную жизнь России»³⁰.

К такому же, собственно, выводу приходили Л.П. Богданов, В.Я. Гросул, С.В. Мироненко и некоторые другие современные исследователи, рассматривавшие эпоху. «Молодой император, получив престол... стал отцом русского просветительского либерализма – именно он, а не Сперанский, который сам был порождением Александровского правления»³¹, – рассуждал В.Я. Гросул в статье о российском консерватизме. И этот достаточно убедительный постулат приводил его к следующей мысли: значит, и А.А. Аракчеева следует рассматривать, как «инструмент» самодержавной политики, не более. Получается, что «Александровский либерализм породил и Александровский консерватизм»³², а это заставляет взглянуть на фигуру «проклятого временщика» уж совершенно по-новому. Больше того, позволяет принять казавшееся спорным утверждение, что Николаю I, который, по общему мнению, был фигурой не менее одиозной, чем А.А. Аракчеев, досталось от брата тяжелое наследство.

«Повсеместное расстройство во всех отраслях внутреннего правления», конечно, обращало на себя внимание декабристов, и обусловило, в какой-то мере, «первоначальную деятельность» Николая I, «направленную на устранение отмеченных изъянов»³³. Хотя военные поселения, одно из деспотичных порождений разноречивой, смятенной Александровской политики, продолжали существовать и после отставки А.А. Аракчеева. Теперь уже не вызывает сомнений, что инициатором и родоначальником военных поселений был венценосный «друг» временщика, а не он сам. Об этом и писал Г.В. Вернадский, подчеркивая, в общем-то, здравый посыл, заставивший царя из лучших побуждений заняться устройством «крестьянствующих» солдат. И приводил яркую, впечатляющую цифру: «Ко времени смерти Александра I было расселено 250 тысяч солдат, или третья часть наличной армии»³⁴. То же самое отмечали другие исследователи.

²⁸ Там же. №4. С. 106.

²⁹ Герцен А.И. Указ. соч. С. 76-77.

³⁰ Сахаров А.Н. Тяжкий путь российского реформаторства // Российские реформаторы (XIX – начало XX вв). М. Международные отношения. 1996 г. С. 22.

³¹ Гросул В.Я. Зарождение российского политического консерватизма. // Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М. Прогресс-традиция. 2000 г. С. 36.

³² Там же. С. 37.

³³ Тарасов Б.Н. Рыцарь самодержавия. // Николай Первый и его время. Документы. Мемуары. В 2-х томах. М. ОЛМА-ПРЕСС. Серия «Архив». 2002 г. Т.1. С. 12-13.

³⁴ Вернадский Г.В. Русская история. М. АГРАФ. 2001 г. С. 209.

Благодаря тому, что подобные проекты во вторую половину царствования, были ближе Александру I, чем либеральные, законотворческие, «цивилизованные» преобразования, особо прочной выделась его связь с исполнителем «странных» замыслов. В.А. Томсинов, автор одной из значительных работ о временщике, полагал, что «узы Аракчеева с императором Александром были значительно более устойчивы, нежели цепи, связывавшие Сперанского с Его Величеством. Аракчеев в тех ролях, в каких он выступал, был необходим Александру всегда. Сперанский же в своем качестве реформатора – лишь на какое-то время»³⁵. Если и есть в этом высказывании некоторая категоричность, то нельзя, во всяком случае, не согласиться с мнением об особой расположенности самодержца к А.А. Аракчееву и потребности в его живейших услугах. «Именно российский император был главным идейным вдохновителем» идеи военных поселений, которая «сама по себе выглядела вполне разумной и благородной»³⁶.

Но ответственность за неудавшийся опыт приписали исполнителю, что и хотел августейший его покровитель, отводивший А.А. Аракчееву незавидную роль мишени для стрел. «Конечно, не сам покойный император, а граф Аракчеев произвел всю эту неурядицу своим управлением, полным произвола, и в особенности, своим непомерным честолюбием»³⁷, - сложилось общее мнение. Таким и должны были быть отношения «сюзерена» и верного его «вассала». Как писал в П.А. Вяземский, «народ кряхтел, жаловался и приписывал все невзгоды Аракчееву, который... был всеобщим козлом отпущения на каждый день»³⁸. Очевидно, это ощущали, не выказывая мнения, другие прозорливые современники. Иначе чем объяснить, что А.С. Пушкин, который не скрывал презрения к временщику, обмолвился, что хотел его ближе узнать. «Еще новость... Аракчеев умер, - оставил поэт запись. - Об этом во всей России жалею я один – не удалось мне с ним свидеться и наговориться»³⁹.

Очень условный, мифологизированный образ «временщика» мешал его восприятию, довлел над попытками здравого, лишённого предвзятости анализа. Стоило же выйти за пределы условности, заметить некоторые события и факты, не укладывавшиеся в привычную схему, как образ «злодея» мгновенно усложнялся. Выяснялось, например, что «истинно русский новгородский неученый дворянин», как рекомендовал себя А.А. Аракчеев, не был таким уж невежественным: книги он «безусловно, уважал, сам читал много и других к этому призывал», полагая «чтение полезных книг в свободное время... одним из благороднейших и приятнейших упражнений»⁴⁰. Особенно высоко ставил математику и военные науки, где «обладал обширными познаниями», как отмечал служивший под его началом Е.Ф. фон-Брадке. «Что Аракчеев был человек необыкновенных природных способностей и дарований, едва ли может быть подвержено сомнению... - находим в мемуарах. - Быстро охватывая предмет, он... не лишен был глубины мышления»⁴¹.

Без всякой неприязни, даже с симпатией вспоминал о временщике Ф.П. Лубяновский. Другой современник, Н.А. Саблуков, подчеркивая «вспыльчивость и деспотичность» графа, отмечал, что «у Аракчеева, тем не менее, было два больших достоинства. Он был... беспристрастен в исполнении суда и крайне бережлив на казенные деньги»⁴². Сходного мнения придерживался И.С. Жиркевич, который главными чертами характера А.А. Аракчеева полагал «пламенную преданность престолу и отечеству... пронизательный природ-

³⁵ Томсинов В.А. Аракчеев. М. Молодая гвардия. Серия «ЖЗЛ». 2003 г. С. 218.

³⁶ Там же. С. 219.

³⁷ Петербургское общество при восшествии на престол императора Николая I. С. 182.

³⁸ Вяземский П.А. Старая записная книжка. // Аракчеев: свидетельства современников. С. 307.

³⁹ Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. М-Л. АН СССР. 1949 г. Т. 10. С. 475.

⁴⁰ Томсинов В.А. Аракчеев. С. 73.

⁴¹ Фон-Брадке Е.Ф. Автобиографические записки. // Русские мемуары. (Избранные страницы. 1800-1825 гг). М. Правда. 1989 г. С. 202-203.

⁴² Саблуков Н.А. Записки. Указ. соч. С. 30.

ный ум и смывленность...честность и правоту»⁴³. Важной особенностью А.А. Аракчеева многие полагали «беспримерное трудолюбие». Даже те, кто не склонен был отдавать должное далеко не худшим его качествам, отмечали усидчивость и работоспособность графа: «Он не знал усталости, и отказавшись от удовольствий света... жил исключительно для службы, чего и от подчиненных требовал»⁴⁴. И следом писали о важнейшей заслуге А.А. Аракчеева, указывали на его преобразования в артиллерии.

Но оценить в полной мере, что было сделано им на этом поприще, смогли только потомки. Авторитетный исследователь русской армии А.А. Керсновский писал, что «Аракчеева, по справедливости, можно назвать создателем современной русской артиллерии», которая явилась «плодом его трудов, двадцатилетней... продуктивной работы, как теоретической, так и практической». И добавлял, что «из многотрудной аракчеевской школы вылетели орлы наполеоновских войн – Ермолов, Яшвил, Никитин. Костенецкий, Железнов...»⁴⁵. Другая заслуга А.А. Аракчеева, участие его в разработке крестьянской реформы, получила еще меньшее признание. Между тем, следует признать, что даже после отставки М.М. Сперанского его царственный вдохновитель «не оставил попыток реформировать страну», хотел составить проект ликвидации крепостного права, и «поручил доверенным людям, в том числе Аракчееву, подготовить на этот счет предложения»⁴⁶.

Привыкший беспрекословно подчиняться монаршей воле, А.А. Аракчеев разработал проект, «во многом предвосхитивший принципы крестьянской реформы»⁴⁷. Аракчеевский проект освобождения земледельцев «предполагал избавить крестьян от крепостной зависимости путем покупки в казну с предоставлением двух десятин на каждую крестьянскую душу»⁴⁸. Но этот документ, подобно другим, лег под сукно, что свидетельствовало о шаткой позиции «реформатора на троне». Хотя важность законотворческой работы А.А. Аракчеева по освобождению крестьян такая неудача не снижала. Как указывал С.В. Мироненко, наиболее полно осмысливший Аракчеевскую программу действий, его проект был вполне реален и экономически целесообразен⁴⁹, хотя осуществление заняло бы много времени, что в тех условиях, вероятнее всего, и было на руку правительству. Но, рассматривая существо программы, автор не мог не отметить, что «Аракчеев в роли автора проекта освобождения крестьян – явление неординарное»⁵⁰.

Нельзя забывать и о том, что А.А. Аракчеев вошел в состав 1-го Сибирского комитета и наряду со М.М. Сперанским проявил там влияние, когда обсуждалось реформирование края, а позже, с 1823 года, на протяжении трех лет возглавлял этот значимый политический орган. «Его противопоставляли Сперанскому, - писал В.А. Томсинов, - считали бездарным, чуждым всяких нововведений царедворцем, а он... вполне осознавал необходимость периодического обновления любой административной системы, лучше многих других сановников, числившихся в передовых, понимал, как осуществлять те или иные реформы»⁵¹. Отметив в этом утверждении некоторую запальчивость, мы должны будем, однако, признать, что А.А. Аракчеев, хоть и не был «человеком незаурядного государственного ума», уступая М.М. Сперанскому в познаниях, глубине мышления и решимости преобразований, но помогал реализации многих проектов.

Свидетельством тому, в частности, служит признание М.М. Сперанского, который отправил А.А. Аракчееву, как особенный «дар», свежееотпечатанное «Сибирское учрежде-

⁴³ Жиркевич И.С. Записки. Там же. С. 59.

⁴⁴ Михайлов-Данилевский А.И. Из воспоминаний. Там же. С. 43.

⁴⁵ Керсновский А.А. История русской армии. В 4-х томах. М. Голос. 1992 г. Т.1. С. 199.

⁴⁶ Сахаров А.Н. Тяжкий путь российского реформаторства. С. 24.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Гросул В.Я. Зарождение российского политического консерватизма. С. 82.

⁴⁹ Мироненко С.В. Страницы тайной истории самодержавия. М. Мысль. 1990 г. С. 70.

⁵⁰ Там же. С. 68.

⁵¹ Томсинов В.А. Аракчеев. С. 298.

ние» и присовокупил: «Уверен, что вам приятно будет взглянуть, в свободные минуты, на дело, которое вам большею частью обязано успешным его движением и совершением»⁵². Производством дел в Сибирском комитете занимались в то время Г.С. Батеньков и Ф.И. Цейер, два самых толковых сотрудника бывшего Сибирского генерал-губернатора. Оба, «как управляющие делами... выносили на своих плечах всю тяжесть работы», особенно «отличалась неутомимая и плодотворная деятельность Батенькова» – в то время, как «фактическим вершителем дел в Сибирском комитете с момента его основания... был Аракчеев», – полагал Б.Г. Кубалов. – В его руках находился... предварительный доклад дел, которые должны были поступать на усмотрение Александра I»⁵³.

Степень влияния А.А. Аракчеева на реформирование сибирских губерний, его роль в принятии законодательных актов, составивших «Сибирское учреждение», мера уступчивости реформаторском плане М.М. Сперанского, – всё это требует тщательного изучения. Но, как таковая, поддержка «общих и частных предположений об устройстве Сибирского края» со стороны А.А. Аракчеева не вызывает сомнений, позволяя глубже вникнуть в тему «Батеньков и Аракчеев», поскольку сотрудничество их началось не с работы по военным поселениям, а гораздо раньше. И с этой точки зрения несостоятельным кажется мнение комментаторов «елагинских» писем Г.С. Батенькова, утверждавших, что декабрист, втянутый в дела по военным поселениям, «сразу понял, что это назначение не приведет его к добру»⁵⁴. Уже тогда отношение его к ближайшему «другу» государя императора не было однозначным.

Занимаясь в Томске благоустройством, молодой сотрудник ведомства путей сообщения имел случай ознакомиться с деятельностью А.А. Аракчеева. В 1817 году в сибирских городах, как по всей империи, распространены были высочайше утвержденные «Общие правила», губернаторам предписывалось «следить за неприменением и строго их соблюдать»⁵⁵. А.А. Аракчеев, который «вел надзор» по делам Комитета министров и сообщал губернской власти о необходимости соблюдения «Общих для всех городов правил», не был автором документа. Но, вместе с тем, нельзя не увидеть в нем влияние А.А. Аракчеева, хозяина знаменитого Грузинского поместья, который везде и во всем стремился к единообразию, упорядоченности, и добивался безукоризненного исполнения указаний. В Сибири, где пренебрежение правилами стало нормой поведения, это требование было чрезвычайно актуальным. Особенно в отношении строительства, которым занимался Г.С. Батеньков.

Некоторое время по приезду в Петербург Г.С. Батеньков, продолжая оставаться под началом директора путей сообщения генерал-майора А.А. Бетанкура, вел обширную работу в Сибирском комитете. Образованного, подающего надежды сибиряка А.А. Бетанкур очень ценил и не скрывал своей расположенности: на третий день же после вступления в должность он произвел Г.С. Батенькова в капитанский чин^{*}. Но и тот, в свою очередь, высоко ставил незаурядного инженера, автора многих проектов и научных трудов по гидравлике и механике. В письме к друзьям Г.С. Батеньков подчеркивал, что «давно уже пользу-

⁵² Корф М.А. Жизнь графа М.М. Сперанского. СПб. Изд. императорской публичной библиотеки. 1861 г. Т.2. С. 175.

⁵³ Кубалов Б.Г. Несколько страниц к биографии сибиряка декабриста. С. 203.

⁵⁴ Комментарии Е.Н. Коншиной, А.А. Сабурова и В.М. Федоровой // Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толля. С. 186.

⁵⁵ Государственный архив Томской области (ГАТО) ф. 127 оп. 1 д. 977 л. 104.

«Общие для всех городов правила» состояли из нескольких пунктов. В частности, «запрещалось громоздить улицы и на них что-либо складывать, разве при случае постройки домов, и то временно». Всякий мусор, доски и бревна, валявшиеся во дворах и на улицах, следовало «прибрать, дабы оные улицы чисты были». А сами улицы надлежало тщательно «планировать, дабы ям и бугров не было до самых домов». (Там же, л. 106).

^{*} «*Capable et digne*» (способный и заслуживающий уважения) – так аттестовал Г.С. Батенькова генерал А.А. Бетанкур (Восстание декабристов. Документы. М. Наука. Т. XIV С. 33).

ется особенным расположением»⁵⁶ А.А. Бетанкура, который не возражал, чтобы его способный, деятельный сотрудник вошел в свиту генерал-губернатора Сибири. В августе 1822 года А.А. Бетанкур, однако, лишился должности, оставил ведомство путей сообщения, которое получило при нем большое развитие. И особую роль в этом сыграл А.А. Аракчеев⁵⁷.

Отставка А.А. Бетанкура, с одной стороны, и полезное участие «временщика» в делах Сибирского комитета, с другой, повлияли на двойственное, сложное отношение к нему Г.С. Батенькова. Зато в глазах А.А. Аракчеева умный, даровитый, исполнительный майор Корпуса инженеров путей сообщения представал, как личность вполне цельная, обладавшая необходимыми для важных поручений качествами. Как отмечали современники, «Аракчеев с железной настойчивостью занимался делами, которые поручал ему его повелитель», и при этом «умел довольно удачно отыскивать и употреблять для дела людей»⁵⁸. По словам Е.Ф. фон-Брадке, ему нравилось «строго выработанное полнейшее подчинение» и «строгое выполнение... обязанностей»⁵⁹, а Г.С. Батеньков, не теряя чувства собственного достоинства, умел проявить эти качества, как никто другой. Хотя переходить на службу к графу А.А. Аракчееву, конечно, не стремился.

Чтобы лучше представить его положение, уяснить характер отношений между двумя сановниками, повлиявшими на взгляды декабриста, уместно обратиться к переписке. В письмах к А.А. Аракчееву бывший Сибирский генерал-губернатор, во многом обязанный ему возвращением в Петербург, неустанно превозносил его явные и мнимые достоинства, доказывал преданность и желание услужить. Такой случай представился, когда А.А. Аракчеев, пытаясь укрепить свое окружение, захотел приблизить правителя дел Сибирского комитета. «По назначению вашего сиятельства, - пишет М.М. Сперанский 20 августа 1822 года, - Батеньков отправляется сегодня, чтобы явиться завтра в Грузине. Я ничего не сказывал ему определенного о будущей судьбе его, представил только ему случай приобрести... милости ваши». И дальше, упоминая о послужном списке инженера, М.М. Сперанский добавляет, что прежняя служба его, «хоть и не блистательна, но довольно была деятельна», и сожалеет, что «увечье предвещает ему болезненную старость»⁶⁰.

Здесь, в этом письме, важен тон, подчеркнута деловой, но еще важнее позиция, которая, не будучи явно выраженной, легко прочитывалась между строк. М.М. Сперанский, говоря, будто не счел нужным посвятить Г.С. Батенькова в суть предстоящей работы, давал тем самым понять, что прежней близости со своим помощником у него нет, и это было отчасти справедливо. Вспоминая о том времени, Г.С. Батеньков позже указывал: «Переехав к Сперанскому, я виделся с ним реже прежнего, и был так еще далек (осенью 1822 года), что совсем не был на свадьбе его дочери», и той же осенью, добавлял, «граф Аракчеев пригласил меня в Грузино»⁶¹. Отношения со «стариком», как за глаза называл своего учителя Г.С. Батеньков, не были равными, не всегда сходились они во взглядах, но взаимная привязанность была искренней: М.М. Сперанский умел ценить порядочность, надежность, чистоту души. И не расположен был «передавать» своего друга А.А. Аракчееву.

Но и помешать был не в состоянии. Единственное, что мог, так это представить Г.С. Батенькова «не очень блистательным» сотрудником, которому «увечье предвещает болезненную старость» и всё старание которого обусловлено якобы желанием «употребить остаток молодости... чтоб не умереть на инвалидном содержании», обеспечив себе без-

⁵⁶ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толля. С. 105.

⁵⁷ Об этом писали авторы комментариев к «целягинским» письмам Г.С. Батенькова (там же, с. 189) и другие исследователи.

⁵⁸ Саблуков Н.А. Указ соч. С. 41.

⁵⁹ Фон-Брадке Е.Ф. Указ. соч. С. 198.

⁶⁰ Дубовин Н. Письма главнейших деятелей в царствование Александра I (1807 – 1829). СПб. 1883. С. 354.

⁶¹ Батеньков Г.С. Граф М.М. Сперанский и граф А.А. Аракчеев (По воспоминаниям, написанным 31 марта 1826 г.) // Русская старина. 1897 г. Кн. 10 .

бедное существование⁶². Следовательно, утверждение о том, что М.М. Сперанский снабдил своего сотрудника блестящей рекомендацией, лишено оснований*. Намек в письме на расхождение с Г.С. Батеньковым продиктован теми же соображениями: важно было подчеркнуть отсутствие дружеских отношений, которые могли повредить его службе у А.А. Аракчеева. А уж сможет ли молодой инженер «приобрести милость» всемогущего графа, получалось, зависело лишь от него. Но, говоря, что прежняя служба Г.С. Батенькова *была* деятельна, М.М. Сперанский как бы указывал, что деятельной она быть перестала, а значит, и ценность его достоинств оказалась сомнительной.

Подлинную реакцию на желание начальника военных поселений взять к себе Г.С. Батенькова можно увидеть из красноречивой инструкции, которой снабдил его М.М. Сперанский. Первым делом, он советовал «ничего никогда не говорить» с А.А. Аракчеевым о военных поселениях, хвалить которые было, собственно, не за что, а осуждать крайне опасно. Далее, признавал за благо точно соблюдать обязанности, «вести себя совершенно по службе» и не стремиться сблизиться с мнительным, раздраженным временщиком. И в конце предостерегал Г.С. Батенькова от неосторожного высказывания, советовал «не давать графу заметить», что бывший государственный секретарь «имеет к государю другие пути» и может влиять на него, минуя А.А. Аракчеева⁶³. «В точности» выполнив рекомендации покровителя, Г.С. Батеньков смог долго, почти три года, удерживать расположенность «временщика», но отношения его со М.М. Сперанским стали более натянутыми, «приняли новый оборот».

«За Батенькова я смею ручаться, что он будет трудиться искренно и усердно»⁶⁴, - указывал М.М. Сперанский в следующем письме, адресованном «временщику». Выраженная в такой форме мысль давала основания предполагать, что прежде особенного усердия за правителем дел Сибирского комитета якобы не замечалось. Обрисовывая его положение, М.М. Сперанский напоминал, что формально тот еще «принадлежит корпусу путей сообщения», хотя «впредь занимать его там много не намерены», а дела «по Сибирскому комитету» теперь «будут редки и немногосложны»⁶⁵. Поэтому есть возможность вести «усердную» работу по военным поселениям, хотя можно сомневаться, что так оно и будет. Если бы М.М. Сперанский захотел лестной рекомендацией утвердить положение своего сотрудника у А.А. Аракчеева, он сделал бы это более решительно и определенно, - как решительно отстаивал другого своего помощника и друга Ф.И. Цейера, занимавшегося вместе с Г.С. Батеньковым производством дел в Сибирском комитете⁶⁶.

Но полагать, что, занимаясь поселениями, Г.С. Батеньков мог навлечь на себя гнев «временщика» и пострадать, у М.М. Сперанского имелись основания. «Сперанский, слывший за человека крайне осторожного во взаимоотношениях с людьми, по-особенному был осторожен... с Аракчеевым»⁶⁷, - отмечал В.А. Томсинов. Однако его утверждение, что между двумя вельможами установились «доверительные отношения», и что в последние годы царствования Александра I «ни с кем из сановников не имел Алексей Андреевич столь теплых отношений, как со Сперанским»⁶⁸, думается, беспочвенно. Несмотря на «изысканнейшую лесть, обильно политую соусом уверений в искренности»⁶⁹, и некоторые выгоды, полученные благодаря вмешательству «гения Зла», М.М. Сперанский не без при-

⁶² Дубровин Н. Указ. соч. С. 354.

* По мнению М.В. Нечкиной, «Сперанский... не поколебался предать своего любимца в полное распоряжение Аракчеева». (Восстание декабристов. Материалы. М. Наука. 1976 г. Т. XIV С.9).

⁶³ Батеньков Г.С. Граф М.М. Сперанский и граф А.А. Аракчеев. С. 87.

⁶⁴ Дубровин Н. Указ. соч. С. 362.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ О нем М.М. Сперанский писал А.А. Аракчееву 9 ноября 1816 года. (Там же. С. 175).

⁶⁷ Томсинов В.А. Аракчеев. С. 312.

⁶⁸ Там же. С. 315, 316.

⁶⁹ Там же. С. 312.

чин опасался сближения с ним, и предостерегал от этого Г.С. Батенькова. Надуманным видится утверждение, что он «готов был услужить Батенькова», своему «идейному сопернику», дабы «проникнуть в его логово»⁷⁰.

Надо сказать, что Г.С. Батеньков сам, понимая опасность сближения, не старался заслужить благоволение в глазах грозного, могущественного «друга» императора. Но, вместе с тем, не был резко отрицательно настроен по отношению к А.А. Аракчееву: как офицер, участник войны, отдавал должное его заслугам в преобразовании артиллерии, которую ненавистный всеми А.А. Аракчеев «сделал первой в Европе»⁷¹. Кроме того, молодой инженер, безусловно, разделял непреходящее увлечение А.А. Аракчеева математикой и геометрией. Был осведомлен о том, что бывший инспектор русской артиллерии делал всё, чтоб «математические науки... преподавались по наиболее совершенной методике»⁷². Нельзя забывать и о том, что основу сотрудничества составили дела по Сибирскому комитету, а не военным поселениям. Когда руководителем комитета назначен был А.А. Аракчеев, вся почта стала направляться к нему, а от него поступала Г.С. Батенькову, который «прорабатывал вопросы, подготовляемые к заседанию Комитета»⁷³.

Как отмечал Б.Г. Кубалов, канцелярия Сибирского комитета, находилась «при квартире Сперанского», но позже «поместилась в казармах штаба поселенного...полка»⁷⁴, и управляющий делами вынужден был чаще бывать в Грузино. И даже когда полностью перешел под начало А.А. Аракчеева, не оставлял прежней своей должности. «Обязанности правителя дел Сибирского комитета с него не снимались, так как требовалось его участие в доведении «Сибирского учреждения» до местных властей»⁷⁵. Но ходом сибирской реформы Г.С. Батеньков не был доволен, ожидания его не вполне оправдались, и это, в первую очередь, явилось причиной упадка духа, который замечен был в письмах. «Помогите... в моей скучной и неприятной жизни необходимы утешения дружбы», - взывал он к Елагиным, жалуясь, что душа его «дремлет» и «мир движется в чужом для него круге», а «луч надежд не освещает пустоты, его окружающей»⁷⁶. И потом совершенно ясно заявлял, что «не служить гораздо лучше»: тяжело «сладкий покой менять на пустые мечты»⁷⁷.

Поэтому новые обязанности, связанные с военными поселениями, единственной и главной причиной огорчений Г.С. Батенькова не стали. Вместе с генералом А.Х. Эйлером, начальником артиллерии военных поселений, он взялся составлять «Положение о поселенной артиллерии»⁷⁸. По делам службы бывал в Старой Руссе, где располагался 10-й военно-рабочий батальон, ездил под Новгород, где руководил строительными работами в поселениях. «Здесь занятия мои были совершенно энциклопедические, - вспоминал он позже. – В первый раз стал я употреблять анализ в производстве и рассмотрении дел»⁷⁹. Но насколько занятия эти согласовывались с убеждениями Г.С. Батенькова? В обществе отношение к «деспотичной затее» было однозначным. Как справедливо отмечал декабрист М.А. Фонвизин, «ничто столько не возбуждало негодования общественного мнения против Александра, не одних либералов, а целой России, как насильственное учреждение во-

⁷⁰ Карцов В.Г. С. 106-107.

⁷¹ Михайлов-Данилевский А.И. Из воспоминаний. Указ. соч. С. 43.

⁷² Томсинов В.А. Аракчеев. С. 170.

⁷³ Кубалов Б.Г. Указ. соч. С. 203.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Брегман А.А. Указ. соч. С. 31-32.

⁷⁶ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толя. С. 123-124.

⁷⁷ Там же. С. 125.

⁷⁸ Воспоминания А.Х. Эйлера об этой работе поместил «Русский архив» (кн. 2 за 1880 г).

⁷⁹ Дубровин Н. Из показаний Батенкова. Указ. соч. С. 467.

енных поселений»⁸⁰. Крайне негативно отзывались о поселениях Н.И. Тургенев, В.И. Штейнгель, В.Ф. Раевский, А.Е. Розен и другие.

Принято считать, что Г.С. Батеньков, служа у А.А. Аракчеева, «изведал всю глубину деспотизма, царившего в России», и что военные поселения породили у него «ненависть к существующему порядку»⁸¹. Нет причин сомневаться, что, на самом деле, «зрелище военных поселений заставило его задуматься над дальнейшими судьбами России и народа»⁸². Но для него это «зрелище» не было наполнено только негативным содержанием, мнение его отличалось большей глубиной, чем мнение многих современников, включая тех, кто служил непосредственно в военных поселениях. И уж говорить о том, что «гнет аракчеевщины» поселил в его душе «чувство мести»⁸³, вовсе не представляется возможным: отношение декабриста к главному делу «Благословенного» императора в последние годы царствования было, в действительности, куда более сложным.

Оставаясь человеком наблюдательным и вдумчивым, Г.С. Батеньков не спешит выносить категорическое суждение, пока не увидит картины во всей полноте. Тем более, что внутренней жизни военных поселений занятия его не касаются: вместе с А.А. Соколовым, архитектором штаба поселений, он ведал строительством, а вместе с А.Х. Эйлером работает над укреплением поселенческой артиллерии. Между тем строительство в районах, где солдат обращали в землепашцев, разворачивалось огромное. «Устройство военных поселений, - писал Л.П. Богданов, - было беспрецедентным по своим масштабам. Заново были построены десятки тысяч жилых домов, административных зданий, хозяйственных помещений, проложены сотни километров дорог. Значительные площади земельных угодий были расчищены от кустарников, валунов. На большой территории производилось осушение болот. Для хозяйств военных поселян был приобретен за границей высокопородный скот. Из государственных запасов выделялось зерно...»⁸⁴.

Л.П. Богданов первым высказался в том смысле, что оценка военных поселений, их устройства и экономической целесообразности, у офицеров и служащих, работавших там, не была постоянной. Но утверждать, что определенное изменение претерпела позиция Г.С. Батенькова, он не решился: напротив, Г.С. Батеньков, по его мнению, как все декабристы, с самого начала увидел гибельную сущность поселений. Что подтверждалось будто бы критическими высказываниями декабриста во время следствия. В таком случае, однако же, трудно объяснить, почему в поселениях он «вообще был уважен», а «с Аракчеевым обращался просто и откровенно», и «всё возвышало» его чуткий к оскорблениям и несправедливости характер⁸⁵. Правильнее предположить, что А.А. Аракчеев, нуждаясь в способных помощниках, грамотных исполнителях, хотел опереться на их знания и опыт, и встречал понимание. К такому же выводу пришел В.Г. Карцов, отмечавший, что «Батеньков своими способностями и деловитостью сумел быстро расположить к себе Аракчеева»⁸⁶.

Важным в анализе взглядов Г.С. Батенькова на военные поселения представляется участие в их развитии М.М. Сперанского. Традиция осмысления этой крупнейшей исторической фигуры первой трети XIX столетия предписывала видеть в его работе по военным поселениям слабость, уступчивость, склонность к компромиссам ради упрочения своего положения, готовность оправдать всё, чтобы выглядеть полезным в глазах правительства и государя императора. С видимым осуждением писали об этой работе такие авторитетные исследователи, как М.В. Довнар-Запольский и А.Н. Пыпин. Оправдывая «самый ужасный

⁸⁰ Фонвизин М.А. Из записок. // Декабристы. Отрывки из источников. Сост. Ю.Г. Оксман. М-Л. Госиздательство. 1926 г. С. 25.

⁸¹ Пасецкий В. Гавриил Батеньков. // Сибирские огни. 1963 г. №8 С. 179.

⁸² Рабкина Н. «Но их дело не пропало». // Наука и жизнь. 1964 г. №9 С. 42.

⁸³ Сабуров А.А. Декабрист Г.С. Батеньков. // Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толля. С. 32.

⁸⁴ Богданов Л.П. Военные поселения в России. М. АИО «Принт» 1992 г. С. 52.

⁸⁵ Дубровин Н. Из показаний Батенкова. Указ. соч. С.467.

⁸⁶ Карцов В.Г. Указ. соч. С. 108.

вид рабства», военные поселения, М.М. Сперанский с его репутацией либерального государственного деятеля, по мнению М.В. Довнар-Запольского, поставил себя рядом с «вреднейшим человеком в государстве»⁸⁷, как называл временщика Н.М. Карамзин. И почему это произошло, было, как полагали, понятно. После ссылки знаменитый реформатор стал человеком сломленным, «стал уклончив и искателен». В попытке добиться дружбы А.А. Аракчеева «дошел даже до того, что написал похвальное слово военным поселениям»⁸⁸.

Подтверждение тому, при желании, легко было обнаружить в письмах: «добрый пустынник», хозяин Грузинского поместья, представал там, со слов М.М. Сперанского, как милостивый, заботливый, трудолюбивый и благочестивый государственный муж. «Возвратясь из Грузина, - писал М.М. Сперанский 19 августа 1822 года, - первое движение мое было принести вашему сиятельству благодарность за все, что мы видели... и в Грузинской обители... и в чудесных военных поселениях от главного их начальника и учредителя испытали»⁸⁹. В таком духе высказывались многие важные сановники. «Благоприятные отзывы о военных поселениях оставили граф Кочубей, граф Чернышев, князь Лопухин», выражая похвалу делу, освещенному императорским именем, или же искренний восторг, ведь «тот, кто не видел военных поселений... не мог судить о совершенстве, до которого доведено было их наружное состояние»⁹⁰. В то время они «считались каким-то удивительным чудом: быть в России и не видеть новгородских поселений... значило почти то же, что быть в Риме и не видеть папы»⁹¹.

Но М.М. Сперанский, расточая похвалу «гению Зла» и главному его детищу, был более последовательным: именно А.А. Аракчеев помог ему после опалы добиться нового возвышения, именно он принял в казну, чтобы преобразовать в военное поселение, имение опального реформатора, село Великополье, чем вывел того из денежного затруднения. Давать после этого негативную оценку военным поселениям было, конечно, невозможно, да и опасно, учитывая шаткое положение М.М. Сперанского: даже более прочно стоявшие на ногах вельможи не смели осуждать «любимую затею» Александра I. Другое дело, насколько искренне восхвалял их бывший помощник императора, автор проекта государственных преобразований, и собственно, хвалил ли вообще. «Суть дела не могла от него укрыться, - полагал его современник П.П. фон Гёце, - в дневнике своем он записал слова: «*fatus ex fulgore*» (дым из пламени), Аракчееву же твердил иное, и позднее даже напечатал... книжку о военных поселениях. Житейская мудрость превозмогла в нем над любовью к правде»⁹².

Иного мнения придерживался П.П. Карцов, автор труда «О военных поселениях при графе Аракчееве», он иначе трактовал позицию М.М. Сперанского. По его словам, вельможа, который находил в поселении войск «общие государственные пользы», повторял лишь доводы императора, развивая их последовательнее, методичнее, чем другие. А «общие пользы», в его понимании, сводились к следующему: «постепенное уменьшение и наконец совершенная отмена рекрутских наборов», обеспечение продовольствием войск «собственными трудами», удобство их размещения «без отягощения прочих сословий», а также «возможность содержать армию без тягости государству в соразмерности с величием империи и пространством»⁹³. Позиция М.М. Сперанского вроде бы, в самом деле, наво-

⁸⁷ Довнар-Запольский М.В. Идеалы декабристов. М. Тип. И.Д. Сытина. 1907 г. С. 12.

⁸⁸ Пыпин А.Н. Общественное движение в России при Александре I. СПб. Тип. Стасюлевича. 1908 г. С. 131.

⁸⁹ Дубровин Н. Указ. соч. С. 353.

⁹⁰ Карцов П.П. О военных поселениях при графе Аракчееве // Русский вестник. 1890 г. Т. ССVII Кн. 3. С. 85

⁹¹ Гриббе А.К. Новгородские военные поселения. // Русская старина. 1885 г. Т. XLV Кн. 1. С. 135.

⁹² Фон Гёце П.П. Князь Голицын и его время. // Аракчеев: свидетельства современников. С. 41.

⁹³ Карцов П.П. О военных поселениях при графе Аракчееве. // Русский вестник. 1890 г. Т. ССVII Кн. 4. С. 107.

дит на мысль, что он действовал не по собственной воле, а выполняя негласное поручение императора.

Александр I лично вникал в тонкости по делам поселенных войск, одобрял и поддерживал жестокое наказание недовольных поселян, призывая поступать «по силе и строгости законов», «от чистого сердца» благодарил А.А. Аракчеева «за все труды его» на благо империи, и говорил: «Я люблю во всем единообразии и желаю, чтобы правила мои были равно исполняемы от Петербурга до Китая»⁹⁴. Иначе говоря, воплощал те качества, которые приписывали А.А. Аракчееву, требуя поддержку своих «инициатив», особенно в последние годы царствования, когда военные поселения разрослись до невероятных масштабов. Не в силах оставаться в стороне от общего участия, словом или делом, в устройстве военных поселений, М.М. Сперанский оказался в сложной ситуации. Но вышел из нее, можно сказать, с достоинством: он писал не о конкретных поселениях, утверждал пользу не реальных поселенческих хозяйств, ставших плодом Аракчеевских усилий, а идеальных, долженствующих быть.

Исследуя этот вопрос, Л.П. Богданов вслед за А.В. Предтеченским соглашался, что «брошюра Сперанского носила пропагандистский характер»⁹⁵, полагал, что крупнейший реформатор эпохи оставался собой, всесторонне исследуя предмет и предлагая оптимальную «модель» военных поселений. И не его вина, что эта «модель» совершенно не соответствовала действительности, ведь он исходил из лучших побуждений, давал полезные рекомендации, осмысливал военные поселения с точки зрения существующего законодательства и сложившихся экономических отношений. Причем делал это, можно предположить, вместе с Г.С. Батеньковым, который в начале 1823 года был откомандирован в Отдельный корпус военных поселений и назначен членом Комиссии по составлению проекта учреждения поселений. В апреле 1824 года М.М. Сперанский представил начальнику поселенных войск «первое начертание введения к учреждению военных поселений», и добавил: «Вероятно, оно потребует перемены и исправления, когда начала, в нем принятые», рассмотрены будут А.А. Аракчеевым⁹⁶.

Как редактор важнейшего государственного проекта, А.А. Аракчеев, видимо, не преминул внести «исправления», сообразуясь с волей монарха, который «упорно пытался совместить несовместимое»⁹⁷. Но судить о том, каковы были исправления, не имея первоначальный документ, сложно. Для М.М. Сперанского задача совершенствования военных поселений решалась, в какой-то мере, умозрительно. Можно, с оговорками, принять тезис Я. Гордина, который указывал, что «реформа для него была огромной шахматной партией. Он видел Россию саму по себе, а чертеж реформы – сам по себе. Он уповал на совершенство чертежа, отворачиваясь от человеческих желаний, игры страстей... и ошибся»⁹⁸. Но в чем ошибся, когда писал о военных поселениях? Первым и главным условием «устройства коренных обывателей» поселений М.М. Сперанский полагал сохранение в неприкосновенности их собственности⁹⁹. На деле же «поселянин не имел никакой собственности», испытывая «жестокую эксплуатацию, которая переходила в... грабеж»¹⁰⁰.

М.М. Сперанский предлагал «в округах, кои земли недостаточны, наделить поселение землею...покупкой на счет казенный», и освободить поселян «навсегда от всех казенных податей и общих земских повинностей»¹⁰¹, что тоже не всегда выполнялось. Реформатор исходил из мысли, что «в военных поселениях имущества частных лиц могут быть не-

⁹⁴ Карцов П.П. Указ. соч. Кн. 3. С. 93.

⁹⁵ Богданов Л.П. Указ. соч. С. 87.

⁹⁶ Дубровин Н. Указ. соч. С. 382.

⁹⁷ Сахаров А. Н. Указ. соч. №3 С. 78.

⁹⁸ Гордин Я. набросок портрета. // Знание – сила. 1988 г. №10. С. 38.

⁹⁹ Сперанский М.М. О военных поселениях. // Русский вестник. 1890 г. Т. ССVII Кн. 4. С. 109.

¹⁰⁰ Богданов Л.П. Указ. соч. С. 64-65.

¹⁰¹ Сперанский М.М. Там же.

равные; трудолюбие и промышленность будут всегда и везде иметь свои права на выгоды и преимущества»¹⁰². В идеале это положение могло стать господствующим, но действительность давала примеры иного рода, когда жизнь поселян зависела не от усердия и предприимчивости, а от личной воли поселенного начальства. То же самое можно было сказать о служивших в поселенных округах офицерах. «Гнет формалистики и какой-то утрированной субординации, характеризовавший службу тогдашнего времени, нигде не проявлялся с таким зверством в отношении к нижним чинам, и с таким отсутствием гуманности в отношении между сильными и слабыми»¹⁰³, как там, - отмечал в воспоминаниях А.К. Гриббе.

Вполне допустимо, что некоторые крайности и «несообразности» происходили без ведома А.А. Аракчеева, который пытался наладить отношения поселян и начальства. Он предписывал командирам «снискать доверенность военных поселян, обходиться с ними ласково и делать все нужные в новом их состоянии пособия», требовал «прекращать пьянство и всякий разврат», велел «помогать бедным и сиротам, дабы они в продовольствии своем не терпели нужды», «воспрещал наказывать жителей телесно, без разрешения батальонного командира», а поселян «употреблять на работы без приказа начальства»¹⁰⁴. Но желаемого результата, при всей своей железной воле и настойчивости, достигал не всегда, особенно если дело хоть в чем-то расходилось с его убеждениями: «Он мог составлять самые рациональные положения, издавать самые гуманные правила, и в то же время ничего не исполнять из того, что было им предписано»¹⁰⁵.

Одним из таких рациональных документов было «Положение о поселенных войсках», которое вышло за его подписью в 1815 году, когда не было рядом ни М.М. Сперанского, ни Г.С. Батенькова. В первом же пункте говорилось о том, что «военный поселянин есть хозяин дома и земли», и что «всё данное поселянам из казны, как то скот, строение и вещи, есть его собственность, служащая к единственной его пользе»¹⁰⁶. Написал ли «Положение» сам А.А. Аракчеев или это сделал по его поручению кто-то другой, наверное, не суть важно. Куда важнее то, что принципы документа были созвучны тем, какие отстаивал М.М. Сперанский, говоривший: только хозяин, настоящий собственник мог работать в поселении с пользой для себя и государства. Эта мысль была очевидна для многих, но входила в резкое противоречие с другими принципами существования военных поселений. В условиях явной, резко выраженной несвободы экономическая свобода процветать не могла. Зато внешне все выглядело благополучно, чего добивался «августейший реформатор» и что отмечали вслед за ним многие его восторженные почитатели.

Самые проникательные, однако, не могли не видеть противоречия между формой и содержанием. И задавались вопросом, почему «план военных поселений, открытый единому Аракчееву, не был передан на обсуждение подлежащего учреждения, не попал в так недавно еще преобразованный государственный совет»¹⁰⁷. Больше того, полагали, что А.А. Аракчеев «не желал составления определенного Положения о военных поселениях», и даже «старался противиться попытке, которую сделал в этом направлении возвращенный Сперанский»¹⁰⁸. Отсюда напрашивался вывод: если такое положение роняло престиж императора в глазах наиболее умных и осведомленных людей, а «верный друг» государя фактически способствовал тому, чтобы тот выглядел в неприглядном свете, был ли он действительно «предан без лести»? Ведь, как бы там ни было, благодаря А.А. Аракчееву

¹⁰² Там же. С. 115.

¹⁰³ Гриббе А.К. Указ. соч. С. 127.

¹⁰⁴ Карцов П.П. Указ. соч. Кн.3 С. 83.

¹⁰⁵ Там же. С. 84.

¹⁰⁶ Положение о поселенных войсках, составленное графом Аракчеевым 1 января 1815 года. // Русский вестник 1890 г. Т. ССVII Кн. 4. С. 119.

¹⁰⁷ Якушкин В. Сперанский и Аракчеев. СПб. Тип. Альштулера. 1905 г. С. 52.

¹⁰⁸ Там же.

«всей России сделались известны сцены, которых никто не мог полагать возможными в царствование Александра I»¹⁰⁹.

К этой же мысли пришел и Г.С. Батеньков. Рассуждая о вознесенном на вершину государственной власти вельможе, он высказался на сей счет вполне откровенно: «Об Аракчееве думают... что он был необыкновенно как предан Александру; никто теперь не поверит, ежели сказать, что он ненавидел Александра, а он именно его ненавидел. Я вам это говорю не как догадку, а как факт, который мне хорошо известен... Павлу он был действительно предан, а Александра он ненавидел от всей души и сблизился с ним из честолюбия»¹¹⁰. Надо сказать, что это высказывание, при всей его парадоксальности, осталось совершенно незамеченным, не вызвало попытки объяснить столь странное, казалось бы, утверждение. Даже исследователи, которые хотели разобраться в противоречивой натуре А.А. Аракчеева, оставили без внимания слова Г.С. Батенькова, менявшее представление об истинной мотивации поступков его непосредственного начальника.

Соглашаясь, что А.А. Аракчеев «радовался, когда Александр принимал какие-нибудь строгие меры», которые, «навлекали... нарекания и возбуждали против него неудовольствие»¹¹¹, В.А. Томсинов тоже не счел нужным дать этому утверждению Г.С. Батенькова какое-либо истолкование. Он лишь подчеркнул привязанность «временщика» к Павлу I, которая не объясняла ненависти к его блистательному сыну. Для Г.С. Батенькова же ситуация выглядела подлинно драматичной: он должен был осуществлять «предначертанное» государем дело, видя, что главный исполнитель государевой «затеи», якобы преданный ему А.А. Аракчеев, не ставил перед собой задачи развить военные поселения на благо России. Вначале, по всей вероятности, декабрист признавал, что это начинание, умело поддержанное, не лишено было здравого смысла. Во всяком случае, в первоначальной основе, как разумная «модель», способная решить острые государственные проблемы. С таким настроением он и прибыл в военные поселения, повинувшись воле А.А. Аракчеева.

Расхождение между словом и делом в исполнении заветной монаршей мечты, устройстве «разумных» поселений, открылось ему не сразу. На первых порах молодой инженер тяготился, как видно из писем, не столько новыми обязанностями, сколько близостью к грозному жестокому временщику. В сентябре 1822 года он писал: «Грузинские походы... в существе не обещают ничего более, кроме беспокойств, и даже могут навлечь опасности; ибо условие совершенной и безмолвной зависимости не сродни моему нраву и привычкам...»¹¹². Вероятно, справедливо будет признать, что и отношение к военным поселениям у Г.С. Батенькова в какой-то мере окрашено было его неприятием А.А. Аракчеева и методов, с которыми тот действовал. Но на службе это никак не отразилось, он оставался трудолюбивым исполнителем монаршей воли, добросовестно делая все, что от него зависело: строил, чертил, готовил проекты. Являя качества, которые нравились в А.А. Аракчееве императору, видевшему в нем человека разумного, деловитого и усердного.

«Служа при графе, - вспоминал Г.С. Батеньков, - я чувствовал сильное его влияние на мой нрав. Оно обнаруживалось: 1) решительностию в поступках, 2) пристрастиею к формам, 3) точностию и подробностию в рассмотрении дел, 4) вспыльчивостию и некоторою грубостию в обращении, чего прежде я был совершенно чужд»¹¹³. И добавлял, что служил, все же, безусловно, поскольку дело ставил выше собственных неудобств и эмоций, тем более дело, составлявшее главную заботу императора в последний период царствования. «Произнеся... строгий суд над Аракчеевым, - писал Н.И. Греч, - мы виним не

¹⁰⁹ Семевский В.И. Учреждение военных поселений. // Семевский В.И. Политические и общественные идеи декабристов. СПб. 1909 г. С. 177.

¹¹⁰ Якушкин В. Сперанский и Аракчеев. С. 59.

¹¹¹ Томсинов В.А. Аракчеев. С. 139.

¹¹² Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толя. С. 129.

¹¹³ Дубровин Н. Характеристика графа А.А. Аракчеева и М.М. Сперанского. С. 467.

столько его, сколько Александра, который... бросился в объятия этого нравственного урода. Аракчеев был тем, чем создала его природа»¹¹⁴. Однако «грубость в обращении» не была единственной и главной причиной охватившей Г.С. Батенькова тоски: мучительное неудовольствие ему доставляла необходимость приспособливаться под Аракчеевские понятия о служении делу, выдавать желаемое за действительное.

Он сообщал, что «был уважен», впервые в своей практике «употреблял анализ в производстве и рассмотрении дел», признавал, что «произведения его по военным поселениям всегда угадывали по первому взгляду; ибо они составляли нечто высшее»¹¹⁵. И в то же время с огорчением писал друзьям в ноябре 1823 года: «Занимаюсь делами с каким-то нехотением и тоскою по чувству неволи и видимой невозможности предпринять что-либо для своего успокоения»¹¹⁶. Несоответствие между идеальной «моделью», которую в эту пору толково обрисовывал М.М. Сперанский, и реальным положением дел, на которое приходилось закрывать глаза, доставляло Г.С. Батенькову подлинные страдания. «Между тем я не мог не видеть неурядиц, которое господствовало как вообще в делах, так в особенности по военным поселениям», - признавал он позже, - и сие склоняло опять к новому направлению мыслей»¹¹⁷.

Сообщая, что инженер Г.С. Батеньков «был потрясен увиденным, когда стал непосредственным свидетелем происходящего», Л.П. Богданов приводит известное его высказывание на следствии: «Военные поселения представили мне страшную картину несправедливостей, притеснений, наружного обмана, низости – все виды деспотизма»¹¹⁸. Но вместе с тем Г.С. Батеньков подчеркивал в воспоминаниях, что в ту пору «был известен, уважен, многими любим, знал твердо дела, обладал множеством сведений и познаний, мог указать несколько произведений, приведенных успешно в действие, был трудолюбив, всё... возвышал, а настойчивостию и деятельностью исправлял и преобразовывал: всё, что было мне вверяемо, почиталось уже как бы конченным»¹¹⁹. И упоминал об этом в силу того, что не лишен был, как А.А. Аракчеев, честолюбия, придавал некоторое значение оценке своей персоны в глазах окружающих.

«Именно в Грузино «во время вечерних прогулок» у него укрепились и оформились мысли о беспорядках и злоупотреблениях», царивших в стране, - указывала А.А. Брегман. - Результаты этих размышлений, выходило, стали «поводом к возбуждению желания перемен в образе правления»¹²⁰. Но, имея такой образ мыслей, Г.С. Батеньков, тем не менее, 29 мая 1824 года получил от А.А. Аракчеева благодарность «за отличное исполнение возложенных на него поручений», а через полтора месяца назначен был членом Комитета по отделениям военных кантонистов¹²¹. Значит, служил по-прежнему ревностно, укрепляя «беспорядки» даже тогда, когда расстался с иллюзиями относительно выгод для страны «худшего вида крепостной неволи... встречавшего упорное сопротивление со стороны крестьян...»¹²². Позже, вспоминая об этом, Г.С. Батеньков, трезво оценивавший слова и поступки, откровенно признавал: «Как ни сильно было лицо графа Аракчеева, но поелику стал он знать меня с портфелем статс-секретаря и членом своего совета, притом я знал, что ему нужен, то и мог принять не тот тон, какой наблюдал со Сперанским»¹²³.

¹¹⁴ Греч Н.И. Указ. соч. С. 335.

¹¹⁵ Дубровин Н. Указ. соч. С. 467.

¹¹⁶ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пушина и Э.Г. Толя. С. 138.

¹¹⁷ Дубровин Н. Указ. соч. С. 467.

¹¹⁸ Богданов Л.П. Указ. соч. С. 85.

¹¹⁹ Дубровин Н. Указ. соч. С. 467-468.

¹²⁰ Брегман А.А. Указ. соч. С. 33.

¹²¹ Там же. С. 36.

¹²² Федоров В.А. Декабристы и их время. М. Изд. Московского университета. 1992 г. С. 78.

¹²³ Батеньков Г.С. Граф М.М. Сперанский и граф А.А. Аракчеев. С. 88.

Увлечшись «особой» своей ролью, Г.С. Батеньков, насколько можно судить, впервые поступился принципами, пошел на компромисс, предлагая «удобное» государю мнение о военных поселениях. Высоко отзываясь о нем, как о человеке «наблюдательном, вдумчивом, который оставил много полезных следов», М.В. Довнар-Запольский, добавлял, что отчеты его по военным поселениям выдавали желание приукрасить действительность. И приводил слова декабриста: «Я сам писал, что военные поселения не стоят государству ни копейки, но... имеют свой собственный огромный капитал», тогда как дело обстояло иначе, «военные поселения стоили очень много: суммами, землями, лесами, работою и народом»¹²⁴. Видимость благополучия, наружный порядок для А.А. Аракчеева были важнее успеха реального, и он настраивал своих сотрудников показывать «нужную» государю картину. На это указывал А.И. Мартос, сослуживец Г.С. Батенькова по военным поселениям. Проект домов, строившихся в поселениях, писал он, был таков, что «они были тесными и неудобными», зато «это не мешало снаружи дать симметрию»¹²⁵.

Мечты о полезных, добротных, экономически выгодных военных поселениях превращались в призрачную надежду. «Что будет с бедными моими мечтами, - вопрошал Г.С. Батеньков друзей. – Должны ли они, странствуя под негладким покровом, извиваться змейкою, сжиматься в стиснутых местах... не поискать ли им вовсе выхода и улететь на вечный покой к предкам своим – небывальщицам и бредням, в страну воздушных замков?»¹²⁶. А в следующем письме рисовал «Синие горы», военные поселения, как «место злачно, покойно», и писал, стилизуя слог под речь древних новгородцев: «От нюду же отбеже болезнь лености, сластолюбия, гордости и прочих семи смертных грехов». И добавлял, что «горы» эти «высоки, пространны, скалисты, ветрены, холодны и опасны для всякого путешественника»¹²⁷. Причем опасность заключалась, одновременно, в возможности потерять расположение сильного покровителя и уронить достоинство, продолжая исправно служить вредному, в сущности, делу.

Г.С. Батеньков ищет приемлемый выход, переживает, мучается, но работает с прежним старанием, получая новые милости. В январе 1824 года его производят в подполковники и вводят в «Совет главного над военными поселениями начальника Аракчеева»¹²⁸. Друг и соратник М.М. Сперанского становится ближайшим помощником «гения Зла», вырастает в собственном мнении и глазах окружающих. Но обманываться мнимыми, с точки зрения общественной пользы, успехами не желает, неудовлетворенность своим положением не дает ему успокоиться и даже будто бы рождает мысль о необходимости перемены правления. Укрепив, как никогда, материальное и служебное положение, Г.С. Батеньков в начале 1825 года намеревается «написать целое сочинение, в поучение тем, кои занимать будут низшие места», собирается «утвердить понятие о собственности в военных поселениях, ибо предполагал из оных составить национальную гвардию», решает «сближаться с лицами, кои могут быть употреблены, открывая сначала одну токмо цель – утверждение гражданской свободы», и с новым старанием «читает либеральные книги»¹²⁹.

Так, во всяком случае, он указывал позже Следственному комитету. Но оценивать эти признания следует с большой долей осторожности, имея в виду ту сложную линию поведения, которую декабрист выбрал на следствии, и те основания, по которым он утаивал одни данные и напирал на другие, смещал события по времени. От буквального прочтения следственных материалов предостерегала М.В. Нечкина, под редакцией которой выходили многотомные собрания следственных документов, другие исследователи. Поэтому гово-

¹²⁴ Довнар-Запольский В.М. Указ. соч. С. 113.

¹²⁵ Мартос А.И. Записки инженерного офицера. // Аракчеев: свидетельства современников. С. 104.

¹²⁶ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толя. С. 142.

¹²⁷ Там же. С. 142-143.

¹²⁸ Брегман А.А. Указ. соч. С. 35.

¹²⁹ Дубровин Н. Указ. соч. С. 468.

ритель с полной уверенностью, что декабрист, работая в военных поселениях, размышлял о «необходимости перемены правления»,¹³⁰ вряд ли возможно. Судя по всему, больше его занимали тогда другие мысли, в нем шла сложная внутренняя работа. Как человек глубоко порядочный, с твердыми понятиями о чести и достоинстве, Г.С. Батеньков пытался разобраться в себе и сложившейся ситуации.

Но если принять это положение, придется согласиться с тем, что духовный кризис Г.С. Батенькова, который связывали с интригами П.А. Клейнмихеля, доносом и последующей отставкой, имел более сложные причины. Крах служебной карьеры был, скорее всего, лишь последним звеном в цепи неудач, разочарований, отрезвляющих фактов, последним и крайне чувствительным ударом в канун «декабрьской катастрофы» – ударом, который, нельзя не согласиться, оказал сильнейшее воздействие, усугубив упадок духа. И это, само по себе, заставляет пристальнее взглянуть на фигуру начальника штаба военных поселений П.А. Клейнмихеля, сыгравшего в бедах Г.С. Батенькова важную роль. Человек беспринципный и безнравственный, как рисуют его современники, привыкший угождать, вобрал, казалось, все худшие черты «аракчеевщины». По словам близко знавшего его Е.Ф. фон-Брадке, «он был крестный сын графа и находился к нему как бы в родственных отношениях»¹³¹, что объясняло очень устойчивое его служебное положение.

Можно сказать, что П.А. Клейнмихель для «временщика» был таким же «преданным без лести» человеком, каким в глазах императора оставался граф А.А. Аракчеев. Хотя оба эту «преданность» совершенно не оправдали. Однако, в отличие от графа, его «крестник», не обладая очевидными достоинствами, испытывал некоторое неудобство и, справедливо опасаясь за свою карьеру, подозрительно относил к окружению «благодетеля». Отсюда интриги, несправедливые нападки, жалобы на Г.С. Батенькова, имевшего больше оснований нравиться графу. Там, где способный инженер завоевывал расположение старательной, вдумчивой работой, начальник штаба добивался того же педантичным исполнением приказов, откровенной лестью и угодливостью. «Скажите, мой благодетель, в чем я провинился? – отчаянно зывал он к А.А. Аракчееву, почувствовав неудовольствие. – Неужели сомневаетесь во мне? Я человек, мог сделать ошибки, но в чувствах моей преданности не могу быть обвиняем. За что покидать меня и лишать своих наставлений... Ради Бога, откройте мне мою вину и возвратите спокойствие...»¹³².

В мае 1825 года П.А. Клейнмихель обращается к «благодетелю» с откровенной жалобой на Г.С. Батенькова. Пишет, что тот отправился в Грузино вопреки его, начальника штаба, желанию, хотя в Совете «теперь дела много», поскольку «рассматривается положение о лесах», покупаемых для строительных нужд. «Сделайте милость, пришлите его», – просит П.А. Клейнмихель и объясняет, что не посмел отказать инженеру в поездке, «почитая его способности» и «внимание» к нему А.А. Аракчеева¹³³. Уже по этому письму можно понять, сколь сложными оказались отношения Г.С. Батенькова и начальника штаба. Поэтому не удивительно, что П.А. Клейнмихель, которому 14 ноября попала анонимная «Записка о истинном и достоверном», поспешил дать ей ход. Больше того, вполне вероятно, что сам имел отношение к ее составлению: других недоброжелателей у Г.С. Батенькова, так сильно желавших его отставки, насколько можно судить, тогда не было.

В пользу этой гипотезы свидетельствуют характерные оговорки и фразы, выдававшие осведомленность П.А. Клейнмихеля по делам Сибирского комитета и военных посе-

¹³⁰ Первым признанием это привел И.И. Ореус: «По словам Батенькова, «зрелище военных поселений в Западной Сибири, угнетаемой самовольным и гибельным управлением, общее неустройство, общие жалобы, бедность, упадок и стеснение торговли... неосновательность и бездействие законов, несуществование истинной полиции, все располагало с одной стороны не любить существующий порядок, а с другой – думать, что революция близка и неизбежна» (Указ. соч. С. 314).

¹³¹ Фон-Брадке Е.Ф. Указ. соч. С. 202.

¹³² Дубровин Н. Указ. соч. С. 413.

¹³³ Там же. С. 424.

лений, его узнаваемо льстивый слог и знание служебных обязанностей Г.С. Батенькова. Хотя не исключено, что донос был составлен одним из «задушевных приятелей» инженера, в присутствии которого он якобы откровенничал насчет «злодейского поступка» в Грузию. Так, во всяком случае, пожелал представить дело автор «Записки». В ней говорилось, что Г.С. Батеньков не высказал сожаления об убитой подруге А.А. Аракчеева и возможном уходе с государственной службы самого графа, чье «расстроенное здоровье» позволяло делать такое предположение. Г.С. Батеньков предстает здесь человеком корыстолюбивым, бесчувственным и неблагодарным, не заслуживающим милостей графа, человеком, исполненным «многих подлостей и пакостей», с «опасным свойством души» и «безбожной нравственностью»¹³⁴.

Падение А.А. Аракчеева в первые месяцы нового царствования, думается, предопределило бы уход Г.С. Батенькова из военных поселений, но перевод по службе, в таком случае, стал бы естественным, не вызвав глубокого переживания. События, однако, получили иное развитие. «Дела мои пришли в страшное движение. Никогда не были они важнее, опаснее и неисповедимее», - жаловался он Елагиным в обстановке служебных интриг, и просил не верить слухам, возникшим задолго до появления доноса, «всячески их оспаривать», отвергая «ложь, суету и произволение духа»¹³⁵. В другом письме, возвращаясь к «несносно тяжелой и неприятной службе», сообщал, что «беспрестанно в огорчениях»¹³⁶. Но теперь с сомнениями было покончено: оформилось намерение порвать со службой в поселениях и уйти от А.А. Аракчеева, который представлялся уже фараоном, а уход от него, соответственно, бегством из египетского плена.

За неделю до анонимной «Записки» Г.С. Батеньков подает прошение об увольнении, но двойственное его подчинение, графу А.А. Аракчееву и ведомству путей сообщения, рождает бюрократические препятствия. «Во всей этой истории, - пишет друзьям, - хуже всего, ежели будут меня, как мячик, передавать из рук в руки... Служить более я не намерен. Запрячусь куда-нибудь в уголок и понесу с собою одно сокровище – чистую совесть». И пишет ключевую фразу: «Перемены не почитаю за несчастье»¹³⁷, поскольку собственный уход, позволявший сберечь «чистую совесть», был неизмеримо лучше вынужденной отставки. «Батеньков решил оставить службу в военных поселениях и подыскивал себе новую должность. Он советовался со Сперанским... вел переговоры с Российско-Американской компанией»¹³⁸. Однако в тот день, когда получил устное уведомление, что отчислен из Корпуса военных поселений по собственному прошению, на него поступает донос.

Г.С. Батеньков, который придавал совпадениям особое значение, увидел здесь, по всей вероятности, некий мистический знак, но и такой оборот дела не затмил в нем «чувства совершенного покоя и радости». «Явно... неприязненное и не умеющее наблюсти в отношениях к другим даже и простого приличия» лицо, то есть П.А. Клейнмихель, поставил его перед выбором: «обороняться в прежней позиции» или «преклонив колени пред новым повелителем, пожертвовать добрым именем»¹³⁹. Причем А.А. Аракчеев, что характерно, написал своему одаренному сотруднику «прощальное письмо, наполненное лестными отзывами о его службе и способностях»¹⁴⁰, показав тем самым, что не верит доносу. Не поверил навету и М.М. Сперанский: неожиданное падение Г.С. Батенькова вызвало его

¹³⁴ «Записка о истинном и достоверном» (Записка, присланная генералу П.А. Клейнмихелю). // Русская старина. 1882 г. Т. XXXVI Кн. 10. С. 182-185.

¹³⁵ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толя. С. 154.

¹³⁶ Там же. С. 160.

¹³⁷ Там же. С. 163-164.

¹³⁸ Брегман А.А. Указ. соч. С. 47-48.

¹³⁹ Письма Г.С. Батенькова, И.И. Пущина и Э.Г. Толя. С. 164-165.

¹⁴⁰ Там же. С. 164.

сочувствие. Уволившись из военных поселений, вспоминал декабрист, «я остался опять на руках Сперанского. Сие паки сделало меня для него занимательным и жалким»¹⁴¹.

Вряд ли стоит сомневаться, что отставка Г.С. Батенькова способствовала его сближению с членами Северного общества. Как позже было установлено на следствии, он к тому времени написал «довольно пространное, но неконченное сочинение... «Опыт теории правительственных учреждений» для представления «в Комиссию законов»¹⁴², и познакомился с видными деятелями тайного общества. Однако близость к «временщику», ставшему символом деспотии, вызывала ошутимую настороженность. «Члены сего общества, - признавал впоследствии Г.С. Батеньков, - или не доверяли мне, или находя более для себя выгодным скрывать постоянные намерения свои и положения, представляли мне в разговорах образ мыслей своих, а в поступках существо взаимной их связи» довольно «сбивчиво, неверно и переменчиво»¹⁴³. Такое же суждение находим в воспоминаниях Н.И. Греча, который писал, что Г.С. Батеньков, как все знали, «приближен к Аракчееву и пользуется его доверенностью, и потому многие боялись и остерегались его»¹⁴⁴.

Рассуждая о поведении декабристов, Ю.М. Лотман также отмечал, что «близость Батенькова к Аракчееву вызывала неодобрение в кругах заговорщиков»¹⁴⁵. Это было естественно и объяснимо. Но прошло немного времени, и Г.С. Батеньков, перестав быть сотрудником А.А. Аракчеева, оказался вовлечен в «круг заговорщиков», его даже прочат в состав Временного правительства. Теперь уже близость к М.М. Сперанскому, неоспоримая и важная, играет существенную роль при оценке его роли в предстоящем восстании и дальнейшем общественном переустройстве, хотя вожди декабризма восхищаются при этом государственным умом Г.С. Батенькова, его здравым рассудком, жизненным опытом, знанием истинного положения дел в обширной империи. Г.С. Батеньков и сам понимает особенность своего положения, задумывается о характере и поступках «гения Зла и гения Блага», с которыми свела его судьба. И дает яркую, точную сравнительную характеристику двух известнейших деятелей, которую часто цитируют, обращаясь к эпохе.

Характерно, что первым делом Г.С. Батеньков заявляет о силе воздействия каждого вельможи: один для него «страшен физически, ибо может в жару гнева наделать множество бед», а другой «страшен морально, ибо прогневить его – значит уже лишиться уважения»¹⁴⁶. Причем ясно, что лишиться уважения М.М. Сперанского много хуже, нежели попасть под горячую руку А.А. Аракчеева. Но тот и другой предстают живыми, противоречивыми людьми, с достоинствами и недостатками, а не политическими идолами, удобными для хрестоматийной оценки. И если взглянуть, вслед за Г.С. Батеньковым, под этим углом зрения, станет очевидно, что перед нами не противоположные натуры, стоящие на разных полюсах этической шкалы, как воплощение зла и добра, а сложные, богато наделенные от природы личности, в чем-то даже, может быть, сходные в крайних своих выражениях¹⁴⁷. «Сперанский и Аракчеев, - писал об этой оценке В.А. Томсинов, - предстают как противоположности – но не добра и зла. А каждый – будто зеркало другому»¹⁴⁸.

«Аракчеев, - отмечал Г.С. Батеньков, - приступен на все просьбы к оказанию строгостей и труден слышать похвалы; всё исполнит, что обещает. Сперанский приступен на все просьбы о добре, охотно обещает, но часто не исполняет, злоречия не любит, а хвалит ред-

¹⁴¹ Батеньков Г.С. Граф М.М. Сперанский и граф А.А. Аракчеев. С. 89.

¹⁴² Восстание декабристов. Документы. Под ред. академика М.В. Нечкиной. М. Наука. 1976. Т. XIV С. 40.

¹⁴³ Там же. С. 37.

¹⁴⁴ Греч Н.И. Указ. соч. С. 297.

¹⁴⁵ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 342.

¹⁴⁶ Батеньков Г.С. Граф М.М. Сперанский и граф А.А. Аракчеев. С. 88.

¹⁴⁷ Характерно, что А.А. Аракчеев, как и М.М. Сперанский, не пользовался полным доверием Александра I: в воспоминаниях Г.С. Батенькова находим, что по велению государя «полиция наблюдала и за ним». (Батеньков Г.С. об Аракчееве.// Аракчеев: свидетельства современников. С. 201-202.

¹⁴⁸ Томсинов В.А. Указ. соч. С. 313.

ко»¹⁴⁹. Сложно более ёмко, в одном предложении, охватить столько особенностей и дать более полную, завершённую оценку. Из воспоминаний следует, что деспотичный А.А. Аракчеев, по мнению Г.С. Батенькова, лучше разбирался в людях, чем его либеральный «антипод». Зато знаменитый реформатор, в отличие от начальника военных поселений, придавал значение не наружному порядку, а самой сути явлений. В следующей оценке А.А. Аракчеев снова предстает в более выгодном свете: его ни к чему, оказывается, нельзя было принудить, М.М. Сперанский же, напротив, показан человеком податливым и гибким, способным исполнить чужую сильную волю. Характеристика Г.С. Батенькова напоминает весы, на которых он тщательно и осторожно взвешивает обе фигуры, давая возможность удивиться тому, что обе половины весов постоянно колеблются.

Очень важен для него вопрос веры, и в этом пункте, ни тот, ни другой, на его взгляд, не выдерживают критики: «Аракчеев богомол, но слабой веры; Сперанский набожен и добродетелен, но мало исполняет обряды»¹⁵⁰. Общий вывод, однако ж, сделан в пользу «добродетельного» М.М. Сперанского: хотя оба, пишет Г.С. Батеньков, «мне нравились как люди необыкновенные, Сперанского любил душою»¹⁵¹. Такой же, в целом, вывод вытекал из рассуждений о двух крупнейших деятелях эпохи, которые находим в автобиографической «Повести» декабриста. Об «учителе» он пишет с восхищением, подчеркивая выдающиеся его способности и достоинства, но и «гений Зла» со страниц мемуаров предстает человеком незаурядным. «Граф Аракчеев имел обширную и непреклонную волю», и если увлекался идеей, принимал ее как собственную, «уже не оставлял на ответственности предложившего...»¹⁵², - указывал Г.С. Батеньков.

Так случилось и с «любимой идеей» императора, которую взялся осуществлять А.А. Аракчеев: «Хотя... военные поселения сильным общим мнением не одобрялись и были причиною неумолимого на него негодования, однако он... мерами слишком крутыми дал ему обширное развитие». И «не наше дело одобрять или осуждать» эти меры, добавляет Г.С. Батеньков, оставляя оценки «государственной науке»: ему важнее сообщить, что «под развалинами поселений скрывается драма времен Петра I, поучительнее и резче всех шекспировских, и заставляющая обмыслить, не осталось ли чего-нибудь доброго от самого ее представления»¹⁵³. Крайне важное высказывание в понимании сложной позиции декабриста. Служа по ведомству путей сообщения, Г.С. Батеньков мог наблюдать повсеместное неисполнение правительственных распоряжений, во многих случаях толковых. Видел неуважение к закону и служебным обязанностям, казнокрадство, всевластие чиновников. И понимал, что многое зависит от последовательной политики и воли представителей высшей администрации.

«Сперанский не оставил даже школы», благие его начинания оказались непонятыми и не осуществленными, а «временщик» А.А. Аракчеев, со слов Г.С. Батенькова, «своей железной волей имел влияние сильнее и дольше». У первого не осталось соратников, они «рассеялись», а «люди, принадлежавшие Аракчееву... далеко ушли вперед... и в довольном числе достигли знаменитости»¹⁵⁴. Само по себе, наверное, это не так уж важно, ведь и П.А. Клейнмихель, который «первым изменил» своему «благодетелю» и для которого «понятия чести и достоинства значили много меньше, нежели карьерные соображения»¹⁵⁵, достиг позже высокого положения и «пользовался особенным расположением» Николая

¹⁴⁹ Батеньков Г.С. Граф М.М. Сперанский и граф А.А. Аракчеев. С. 88.

¹⁵⁰ Там же. С. 89.

¹⁵¹ Там же.

¹⁵² Батеньков Г.С. Повесть собственной жизни. // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М. Изд. Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев. 1933 г Том II. С. 110.

¹⁵³ Там же. С. 110-111.

¹⁵⁴ Там же. С. 103.

¹⁵⁵ Ячменихин К.М. Граф А.А. Аракчеев и Николай I. // Вестник Московского университета. Сер.8 (история). 2003 г. № 1 С. 33.

Г¹⁵⁶. Но Г.С. Батенькову важно подчеркнуть, что «железная воля» А.А. Аракчеева, направлявшего к исполнению законов, в ту пору, как и во времена Петра I, была не лишней. Тем более, что поселения, в основе, имели, как он пишет, нечто «доброе», и при ином отношении к ним самодержца, а следом А.А. Аракчеева, могли бы, наверное, быть полезны.

Но оказалось, что «наружный порядок» заслонил существо дела, «истинная экономия там нигде не наблюдалась... всё основано было на том, что сметы были произвольны», а «ревизия состояла в одной проверке цифр»¹⁵⁷. И на это закрывал глаза вдохновитель работ по военным поселениям, «Благословенный» государь, предпочитая внешнее, показное благополучие истинному, подменяя истинное положение вещей ложным. Хотя для любого государя, полагал М.М. Сперанский, «право самодержца попики есть право, попики оно основано на правде. Там, где кончается правда и начинается неправда, кончается право и начинается самовластье»¹⁵⁸. В обстановке, когда с либеральными устремлениями было покончено и конституционных шагов от Александра I ожидать уже было невозможно, оставалось рассчитывать на «правоту» самодержца, его добрую волю, или пытаться изменить ход вещей, ускорить «перемену правления», участвуя в тайном обществе. Г.С. Батеньков, не без давления обстоятельств, выбрал второе.

¹⁵⁶ Главнокомандующий путями сообщения и публичными зданиями К.В. Чевыкин. // Русская старина 1878 г. Т. XXII Кн. 5 С. 2.

¹⁵⁷ Дубровин Н. Характеристика графа А.А. Аракчеева и М.М. Сперанского (из показаний Батенкова). С. 464.

¹⁵⁸ Якушкин В. Указ. соч. С. 35.